

*Джонатану Роудсу Олсену,
«Лефти», любимому сыну.
Мы всегда умели заставить
друг друга смеяться*

ПРОЛОГ

БАНАЛЬНОЕ МЕЛКОЕ УБИЙСТВО

В холодный зимний день в Портленде, штат Орегон, Таня Беннетт поцеловала мать на прощание и сказала, что пойдет встретиться с бойфрендом. Она направилась к автобусной остановке с плеером в ушах. В последнее время двадцатитрехлетняя Таня, так и не окончившая школу, слушала Back to Life группы Soul II Soul. На плече у нее висела маленькая черная сумочка.

Таня страдала задержкой психического развития из-за кислородного голодания при родах. Она всегда была трудным ребенком. На уроке труда в Кливлендской старшей школе, когда они учились готовить, она набросилась на одноклассницу из-за куска пирога. Полгода пролежала в государственной больнице, где лечилась от пристрастия к алкоголю и наркотикам. В двадцать один год начала регулярно посещать бары на северо-востоке Портленда: употребляла спиртное, играла в бильярд и ввязывалась в неприятности с парнями. Она была миниатюрная и симпатичная: метр шестьдесят пять, с блестящими темными волосами, светло-кариими глазами и стройной фигуркой. Наивная, импульсивная, она знакомилась с чужаками, бросаясь к ним с объятиями. Не так давно она жаловалась матери, что какой-то мужчина увел ее из бара В&I, побил и «хотел продать, как проститутку». Она сказала, что боится возвращаться обратно в тот бар. Но ее память всегда была короткой.

22 января 1990 года, на следующее утро после того, как Лоретта Беннетт попрощалась с дочерью, мотоциклист резко затормозил, заметив яркое пятно в овраге близ ущелья Колам-

бия-ривер, в десяти милях к востоку от Портленда. От воды поднимались клочья тумана, заслоняя Виста-Хаус — башню с обзорной площадкой и местную достопримечательность.

Внизу, под насыпью двухрядной дороги, среди зелени дикого винограда, заманихи, ядовитого плюща и ежевики, лежало тело молоденькой девушки лицом вверх. Голова была направлена от дороги, а одна рука завернута назад. Джинсы и трусы были спущены до щиколоток, бюстгальтер задран над грудью. Шею обвивала нейлоновая веревка. Ширинка на джинсах была отрезана — на ее месте осталось овальное отверстие. Лицо девушки выглядело так, будто по нему били молотком.

Тело оставалось неопознанным восемь дней, пока Лоретта Беннетт не увидела полицейский набросок в вечерних новостях и не прибежала в морг. Детективы были поражены жестокостью убийства. Казалось маловероятным, что случайный знакомый мог с такой яростью наброситься на другое человеческое существо, даже в пылу изнасилования. Следователи предположили, что имеют дело с глубоко личным актом мести или возмездия.

Две недели спустя у полиции появилась первая зацепка. Тринадцатого февраля детектив Алан Корсон из полиции штата Орегон опросил Кэрол Коупленд, барменшу из V&I, которая работала накануне того дня, когда нашли тело. Корсон сообщил:

Мисс Коупленд заявляет, что в тот день Танья Беннетт пришла в бар V&I около часа дня. Она утверждает, что Танья была одна; мисс Коупленд заметила, что она была вся мокрая, как будто шла до бара под дождем. Ей показалось, что Танья была в хорошем настроении, она купила пива в баре и заплатила мелочью...

Мисс Коупленд заявляет, что Танья начала общаться с другими посетителями бара. Она заговорила с двумя мужчинами, которые играли в бильярд. По ее словам, Танья продолжала разговаривать с ними и играть в бильярд, после чего около 16–16:30 подошла к стойке

и спросила Кэрол, не хочет ли та пойти с ней на дискотеку, когда закончит работу в 17:00...

Кэрол заявляет, что сказала Танье никуда не ходить с двумя мужчинами, потому что Танья их не знает и это небезопасно. Танья ответила, что с ней все будет в порядке, и вернулась к мужчинам, игравшим в бильярд.

Вечерняя барменша описала одного из игроков как мужчину около тридцати лет, ростом около метра восьмидесяти, с короткими светлыми волосами. Второй тоже был блондин, но ниже ростом. Она запомнила, что они заказали кувшин пива. Около 20:00 она заметила, что мужчины и Танья Беннетт ушли.

Прошло еще две недели, и полиция объявила, что нашла убийц. Но ими оказались не игроки в бильярд, а парочка завсегдатаев местных баров, Джон Сосновски и Лаверн Павлинак. Пятидесятисемилетняя, дважды побывавшая замужем бабушка нескольких внуков, сотрудница государственной больницы, в подробностях рассказала об убийстве, в котором обвиняла тридцатидевятилетнего Сосновски, работавшего на лесопилке и находившегося на условно-досрочном освобождении за несколько мелких преступлений. Седовласая Павлинак сообщила полиции, что ее любовник познакомился с Таньей Беннетт в баре и привез ее в овраг возле ущелья Коламбия-ривер, где она держала у девушки на шее петлю, пока Сосновски насильничал ее и убивал. Полная солидная дама предъявила отрезанную ширинку от джинсов «Левайс» и указала полиции точное место, где они с любовником выбросили труп.

Джон Сосновски свою вину отрицал, но провалил два теста на детекторе лжи. После того как ему предъявили обвинение в убийстве, он пытался свалить вину на приятеля-алкоголика, который оказался невиновен. Полиция нашла у Сосновски записку, где было нацарапано: «Т. Беннетт: Лакомый кусочек». Каштановые волосы Сосновски соответствовали тем, что были найдены в ладони у трупа.

Дело о банальном мелком убийстве было закрыто.

1

КИТ

ХАНТЕР

ДЖЕСПЕРСОН — 1

1 ■ КРОВАВОЕ УБИЙСТВО

Обычно преступник утверждает, что в момент совершения преступления был расстроен и зол. Чаще всего его состояние можно охарактеризовать как комбинацию гнева, раздражения, неудовлетворенности и подавленности, а правонарушению, как правило, предшествуют неприятные события, зачастую, хотя и не всегда, с участием значимой женщины из его жизни.

Э. Николас Грос, Х. Джин Бернбаум,
«Мужчины, которые насилуют»

Был один из тех дней, которые всегда навевают на меня тоску, — ветреный, серый и тоскливый. Я с самого утра был в плохом настроении. Все в моей жизни полетело кувырком. Я подумал: *Не могу я сидеть в этом жутком старом доме больше ни минуты. Мне надо выйти.* Я устал и был сердит. Изнасилование и убийство были последним, о чем я мог подумать.

Слоняться без дела для меня было нелегко. Я привык работать. Вся моя семья была такой — работа, работа и снова работа. Но у меня накопилось слишком много штрафов, чтобы вернуться на работу дальнбойщиком, по крайней мере в ближайшее время. Я получал пособие по безработице и половину отправлял бывшей жене. Что означало, по сути, безденежье. И скуку.

Рождество меня совсем разорило. Я продал последние пожитки, чтобы купить подарки моим детям. Уступил мой

восемнадцатискоростной «Твин Вояджер» за триста пятьдесят баксов — половину настоящей цены. Продал графитовую удочку, «Гарсия 5000», и с ней поплавки, леску, наживки, которые собирал с тех пор, как был ребенком. Все продал, чтобы подсобрать деньжат к Рождеству.

Я жил в маленьком домике на ранчо моей девушки в Портленде, близ шоссе 84. Бросил жену и детей ради этой Пегги Джонс (псевдоним), а теперь она, мелкая сучка, снова вышла на трассу и уехала с другим дальнобойщиком. Пять дней спустя после Рождества отправилась на стоянку грузовиков и начала крутить там хвостом. Домой в ту ночь не вернулась и не позвонила — ничего нового, такова Пег.

Сразу после Нового года телефон зазвонил и оператор сказала: «Звонок за счет вызываемого абонента, Киту Джесперсону». Это была Пегги: она, мол, в Ноксвилле с новым приятелем. И велит мне убираться вон из ее дома. «Съезжай! А если останешься, будь добр платить мне аренду». Она велела выслать ей деньги, обозвала говнюком и бросила трубку.

Мне ужасно захотелось кого-нибудь ударить, хотя вообще мне это не свойственно. Я присел на крыльцо и тут увидел бродячую кошку. Я заманил ее в дом и загнал в угол, откуда она не могла выбраться. Потом я ее задушил. Терпеть не могу кошек — тут я в отца. Я убивал их еще с пяти или шести лет. Какое-то время это даже было моей работой. Убить кошку для меня — раз плюнуть. Зато помогло сбросить напряжение.

С людьми я никогда не был жестоким, но и тряпкой меня было не называть. Спустя несколько дней после того, как Пег сбежала с другим дальнобойщиком, я пошел на рынок Альбертсон подработать — грузил там тридцатикилограммовые мешки. Восемь парней, постоянных грузчиков, погнались за мной с клюшками и бейсбольными битами. Я схватил первого и сломал ему руку его же битой. Второму перебил ногу. Они бросились бежать, как олени в лесу. Когда твой рост два метра, ты вешишь сто десять килограммов и неплохо боксируешь, ты сам по себе — смертельное оружие.

Пегги всегда хотела, чтобы я изображал строгого папашу с ее детьми. Я отказывался. Она лупила их, но я ни одного ребенка ни разу пальцем не тронул, и ни одну женщину тоже. Я никогда не бил своих детей, никогда не поднимал руки на бывшую жену или других женщин. Однажды я так разозлился на жену, что пробил кулаком дверь, но на нее даже не замахнулся.

Без моей девушки мне было одиноко, и я мечтал, чтобы она вернулась. Она доставляла уйму проблем, но у нас был отличный секс. Без нее мое общение сводилось к походам за кофе и болтовней с другими водителями на стоянках грузовиков в окрестностях Портленда. В остальное время я смотрел телевизор, гулял без всякой цели или играл в барах в бильярд. Обычно я задерживался там допоздна, лишь бы не уходить домой. Мне не нравился жуткий домишко Пег, и я пользовался любым предлогом, чтобы подольше в него не возвращаться.

В середине января она снова позвонила и сказала, что приняла твердое решение остаться с новым парнем, а между нею и мной все кончено. Я одновременно рассердился и расстроился. Теперь моей единственной компанией были призраки, обитавшие у Пег в доме. У них в семье говорили, что это двое парней, которые повесились там то ли пятьдесят, то ли шестьдесят лет назад. Клянусь, я чувствовал, как они витают в воздухе. Так вот идешь по коридору, и по тебе проскальзывает что-то — а ты не видишь. По ночам они кружились надо мной и Пегги в кровати. Тени на стенах появлялись откуда ни возьмись, а потом пропадали. Иногда призраки стонали, и выли, и стучали в стены. Мы привыкли не обращать на них внимания. А что еще делать?

В то отвратное утро 21 января 1990 года я вышел из дому всего с парой баксов, чтобы не потратить лишнего. Как обычно, я просто убивал время и подумать не мог, что кончу убийством человека.